

ГОРДОСТЬ СОПРИЧАСТНОСТИ

Премьера в Театре
им. Пушкина

Владимир САФРОНОВ, исполнитель роли Николая Островского, режиссер

ОЩЕТИНИВШАЯСЯ штыками русская земля. Ломаные, неожиданные, вздыбленные повороты дороги. Ломаные, неожиданные, вздыбленные повороты судьбы Павла Корчагина. Такой общезвестной, рассказанной чуть ли не на всех языках мира — и такой неожиданно новой судьбы.

Корчагин с шашкой во вскинутой руке, на горячем коне — это привычно, это стало символом. А Корчагин в красной рубахе, да с гармонью, да с Блоком и Есениным? Начало революции в Корчагине — по датам и по полочкам разложено в школьном учебнике. А начало поэзии, той самой поэзии, которая, как искры, высекается только из сердца, зачального страданиями? Равнодушеньким, благополучным, уютным сердцам поэзии не создано. О таком Корчагине вы знаете, скорее, такого Корчагина себе представляли?

Я шла на этот спектакль со сложным чувством тревоги в душе. Есть книга. И сильнее ее вряд ли можно что-нибудь создать на эту тему. Были фильмы, спектакли. Неплохие. Но они слабее книги. И это беда почти всех инсценировок. То, что я увидела, не поддается привычным словам, не влезает в рамки газетной статьи. Этот спектакль просто незачем сравнивать с книгой. Он — другая ценность. Он — не инсценировка. Не сохранение сюжета и текста романа. Он — сохранение его духа. М. Анчаров и Б. Равенских смещают даты, фантазируют тексты. Целые сцены идут вообще

без слов — спектакль говорит музыкой, пластикой, светом. Мне кажется, что ошибка предыдущих инсценировок была в том, что они как бы пересказывали непрамотным содержание романа. Здесь спектакль рассчитан на людей, читавших книгу, помнящих судьбу Корчагина. И тем острее воспринимаются акценты спектакля. Когда Корчагин у Равенских пляшет — удивительно лихо, талантливо, обаятельно, — а сидящий в зале знает, что этого парня ждет полная неподвижность, — щемит сердце...

Б. Равенских и М. Анчаров берут самые трудные страницы жизни Островского. Наверное, спектакль можно было бы назвать «трагической песней». А гнетущего впечатления нет. Есть восхищение мужеством и, как бы это точнее сказать, — гордость сопричастности. Потому что на твоей земле это было. Потому что только Россия могла родить такого человека. Тема России песенно проходит через весь спектакль. И если бы на афише не стояла фамилия режиссера, по одному этому можно было бы узнать Равенских.

Здесь, в спектакле об Островском, Россия — тот источник, который напитал талант Островского — писателя и гражданина. Ее, России, гражданина. Ибо мужество — это, пожалуй, самый трудный из человеческих талантов.

И ЕЩЕ одна тема потрясающе звучит в спектакле. Звучит от одной-единственной сцены. Это тема Ленина. Как рассказать эту единственную сцену — не знаю. Есть вещи, которые надо видеть. Видеть, как идет по сцене парень и срывающимся голосом говорит свои самые главные слова: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз. И прожить ее надо так...». Он спускается по ступенькам. То ли в зал, то ли в Мавзолей. И алые сполохи света, как знамена. И слезы по щекам. У парня на сцене. У зрителя в зале. Потому что, сказанные о Ленине, эти слова зазвучали и болью и клятвой одновременно.

Казалось, спектакль надо кончать этой сценой. Сильнее не скажешь. Но каким-то чудом, не обрываясь, продолжает звучать натянутая струна повествования. И еще один, огромный силы аккорд звучит в финале. Когда срученный болезнью Павлик решает покончить счеты с жизнью. И Николай Островский протягивает ему руку, заставляя и помогая жить. Потому что «Я — это ты?» — «Нет. Ты — это я».

ОСТРОВСКИЙ и Корчагин живут в спектакле рядом. И это не просто драматургический — это гражданский ход спектакля. Равенских, режиссер, — поразительно, каким-то седьмым чувством чувствующий гражданский пульс времени. И всей эпохи. И сегодняшнего дня. И самое дорогое в его таланте — то, что он умеет заставить зал сопереживать не извечно волнующей лирике, не фразочным намекам на современность, а чувству гражданскому, политическому, тенденциозному. Не случайно зал митинговал на «Дне рождения Терезы», не случайно идет на овации сцена партсобрания в «Поднятой целине», не случайно первые слова спектакля, сказанные Островским: «Вы спрашиваете, как я стал писателем? Сначала я стал большевиком», — можно поставить эпиграфом ко всему зрелищу.

Равенских пользуется в спектакле прямо-таки рискованными приемами. Он заставляет зал то хохотать и аплодировать сценам, сделанным с фарсовой комедийностью! (в этом немалая заслуга актеров А. Стрельникова, Ю. Фомичева, М. Кузнецовой), то вдруг почувствовать себя на несколько минут на месте ослепшего Островского — только слушать сце-

ну в абсолютно темном зале. Он делает «проход» Павки и Тони Тумановой — и здесь буквально бездна лирики — и тут же почти натуралистическую сцену в тюрьме, где Христину бросают на потеху казакам, — здесь режиссер балансирует на тончайшей грани, за которой — патология. И нигде эту грань не переступает. В этом спектакле та поэтическая приподнятость, тот отказ от бытового правдоподобия, который свойствен всей режиссуре Равенских, помогают сделать сценичными эпизоды, которые, кажется, драматургически непригодны для театра.

Б. Равенских дал спектаклю яркую, талантлиую форму. Дал щедро. Иногда даже слишком щедро. Но... помните Заболоцкого? «Что есть красота? За что ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь мерцающий в сосуде?» Спектакль этот был бы просто ярким, красивым зрелищем, проходящим где-то рядом с душой, не имея он сам трепетной, чистой и талантливой души — Павки Корчагина — Алексея Локтева.

ЛОКТЕВУ лирико-героические роли не внове — он играл и молодого Горького («По Руси»), и мальчишку-поэта, погибшего в Отечественную («Первый снег»), и комиссара отряда итальянских партизан («Романьола»).... Но все это были ступеньки — к главной роли, к

Алексей ЛОКТЕВ, исполнитель роли Павки Корчагина

НЕ знаю, что говорить. Мне должно быть радостно. Потому что вышел спектакль, и судя по откликам, он получился. А мне грустно. Мы полтора года работали. Спорили, искали. Три раза бросали и начинали снова. Это был жестокий процесс — работа над «Драматической песней». Она отнимала все силы. И теперь ее не хватает.

В процессе работы мы перебрали массу материалов об Островском. Хотелось показать его в становлении.

Из романа мы взяли только сюжетную линию. «Нутро» искали свое. Искали долго, мучительно. Мы хотели, чтобы наш Павлик в спектакле воспитывал себя — и этим зрителя.

Павку играть трудно. Потому что все читали роман. И у каждого свое представление о Корчагине. А надо их убедить в верности моего образа.

Что-то нам удалось. Что-то нет. И это правомерно — образ-то силы потрясающей. Островский, как бы это сказать, обездолил всех остальных писателей. Сколько лет прошло, а никто не может написать равного Корчагину.

Сыграть Павку, охватив весь его характер, трудно. Я уверен, что здесь еще богатейшая возможность работать. И к этому образу еще будут возвращаться. Ибо он будет жить вечно. И нужен людям будет вечно. Для примера. И для уверенности в себе. Для того, чтобы человек мог думать: «Вот на что я способен». И воспитывать в себе эту верхнюю границу мужества, подымая ее все выше. Человек должен знать, что он многое может. Великое может. С этим увереннее жить для людей.

Это редкость — такие роли. Боюсь, что раз в жизни...

ЭТИ полтора года работы научили меня атаке и сопротивлению. Островский меня самого буквально перетрянул. Перевернул всю душу. Раньше он был для меня фактором учебника. И когда я прочел письма Островского к его другу Петру Новикову, я открыл целый мир для себя. Островский писал о трагедии быть обузой для общества. О желании бороться за жизнь для партии. И это писал не автор всемирно известного романа, а безвестный молодой человек, валяющийся на больничных койках Харькова, Сочи, Евпатории. Еще не знавший о том, что его ждет слава, бессмертие. Знавший только, что впереди слепота и полная неподвижность.

Какое же надо было иметь мужество, чтобы не просто жить — работать. Не зная, успеешь ли закончить и какая будет судьба у написанного. Островский под подушкой все время держал браунинг со снятым предохранителем. Вдумайтесь в этот факт. Пожалуйста, вдумайтесь.

И если у нас получился спектакль, то потому, что сами мы были потрясены Островским. Это спектакль — из чувства глубокого преклонения. Паганини когда-то говорил: «Надо сильно чувствовать самому — чтобы другие чувствовали...»

Корчагину. В игре Локтева такая искренность и филигранная точность в передаче мыслей и чувств своего героя, что и игрой-то не назовешь происходящее на сцене. Просто есть Корчагин. Подкупающе обаятельный. Яростно живой. У расстрелянной фашистами Елены Ширман есть такие строчки: «Жить! Изорваться ветрами в клочки. Жаркими листьями наземь сыпаться. Только бы чуять артерий толчки. Гнущаясь от боли. От ярости дыбиться!»

Локтев сыграл Корчагина, который будет жить и тогда, когда нас не будет. Будет жить, пока жива Земля. Сила Локтева в том, что он сам влюблен в своего героя, — и сила этой влюбленности передается залу. Локтев играет в Корчагине самого партийного поэта и самого поэтического партизана. Играет человека, в которого коммунизм и поэзия приходят одновременно и постепенно — по капле, у нас на глазах. Он приходит не готовым большевиком, а становится им у нас на глазах.

На сцене — тот Корчагин, книгу о котором проходят в разведшколах Запада — как пособие по изучению русского характера. В нем сплав поэзии и мужества. Павка для меня до этого спектакля был символом, памятником — тем, что почитают, перед чем преклоняются, на что оглядываются. Здесь, в спектакле, стал тем, что любят. Тем, что не только в мыслях — в сердце. В этом — «вина» актера. Победа его таланта.

И ЕЩЕ один образ очень по-хорошему получился в спектакле — самого Николая Островского. Владимир Сафронov играет строго и мудро. Он счастливо избежал опасности «сдублировать» Павку. Он как бы отдал Павке свой взлет — оставил себе лишь трудное право осмысливать происходящее, подбирая самые веские, литые слова. В сдержанной манере его игры — глубина айсберга, лишь одна десятая которой — на поверхности.

Жаль — не обо всех актерах можно сказать добрые слова. Но о художнике спектакля В. Шапорине сказать их необходимо. Впрочем, главное не в том, чтобы бухгалтерски подсчитывать все плюсы и минусы...

Есть спектакль. Яркий, своеобразный, талантливый. Берущий за душу. Будущий лучшие гражданские чувства. Спектакль, посвященный партийному съезду. Не только темой своей, но и силой таланта, вложенного в него. Спектакль, к которому удивительно подходят слова, сказанные когда-то Луначарским: «Если революция дает искусство душу, то искусство дает революции ее уста...»

С. ОВЧИННИКОВА.

Борис РАВЕНСКИХ, постановщик, народный артист СССР, лауреат Государственных премий

СИЛА Островского в том, что он родился художником. Не будь этого — мир ничего не узнал бы о нем.

И спектакль мы хотели сделать о рождении художника в человеке. В его судьбе — квинтэссенция судьбы молодого человека нашего времени. Бойца и поэта...

Во всех предыдущих постановках, в фильмах показывали бойца. И не показывали поэта. Это неверно. Островский — большой художник. Он не случайно потряс мир. Арсеньева в четырехлетнем вундике своим заметила талант поэта. Эта был Лермонтов. Талант Островского — тоже с юности. Мы хотели это показать. И сказать, что проявился поэтический талант Островского смог только потому, что он был коммунистом. Что у него было стальное сердце большевика и железная воля. Он сумел отмести все несчастья и заставить себя писать.

Миллионные тиражи книги, улицы и школы имени Островского, страницы романа, пробитые фашистскими пулями вместе с сердцами бойцов, — это результат. До него был подвиг.

Говорить о том, что мы хотели сказать в этом спектакле, — нелепо. Он должен говорить сам за себя.

Но об одном скажу. Есть советская классика. Она богаче алмазного фонда и золотых кладовых Эрмитажа. И она может и должна стать основой репертуара театров.